

**ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ
КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ Н.М. КАРАМЗИНА***Н.С. ЧИЖКОВ*

Наследие Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) неизменно привлекает к себе внимание российской общественности и ученых. Историки по праву считают его одной из ключевых фигур в русской историографии, одним из основателей русской исторической науки. В первую очередь Карамзина чтят за фундаментальное исследование по русской истории. Его двенадцатитомная «История государства Российского», которой он отдал более двадцати лет жизни, — одно из наиболее читаемых и изучаемых произведений. Большой интерес представляют также его художественные произведения, переводы, идеи в области языкознания. Карамзин рассматривался как один из создателей русского литературного языка. С.М. Соловьев так писал о нем: «Первый писатель эпохи, творец нового литературного языка Карамзин посвятил свою деятельность отечественной истории, и все, что мог сделать сильный талант для внешней живописи событий, все было сделано Карамзиным; мечта Ломоносова сбылась: русская история нашла своего Ливия»¹. Историки, литературоведы, филологи, культурологи неизменно высоко оценивали роль Карамзина, его научное и художественное наследие.

Иначе обстоит дело с его философским и социально-историческим наследием и отношением к этому наследию в русском обществе. Прежде всего следует отметить, что интерес к мировоззрению Карамзина, его философским, социально-историческим и социально-политическим идеям возникает, как правило, в переломные этапы российской истории. Вторая особенность, на которую следует обратить внимание, это необычайная поляризация оценок его теоретического наследия. При этом критика этого наследия велась и ведется как «слева», так и «справа». Философское наследие Карамзина в последнее время вызывает повышенный интерес не только в связи с юбилеем. Сегодня в России вновь возрождаются дискуссии по все тем же проблемам, которые поднимал и на которые вполне определенным образом отвечал Карамзин. Это касается и проблемы общего и особенного в русской истории, и проблемы российской идентичности, и проблемы соотношения свободы, порядка и общего блага, и проблемы взаимосвязи нравственного уровня развития граждан и политических свобод в государстве. Острота полемики вокруг идей Карамзина обусловлена во многом остротой тех социальных и мировоззренческих проблем, которые стоят сегодня перед страной.

К сожалению, в этих дискуссиях Карамзина пытаются представить крайне односторонне, как теоретика некой российской исключитель-

ности. Карамзин всегда говорил о самобытности истории любой страны, в том числе и России, но он никогда не утверждал, что у России есть какая-то своя особая, отличная от других цель или миссия. Это в корне бы противоречило его мировоззрению, базовым интенциям его мысли, его идеям об универсальном нравственном содержании, реализуемом историей любой страны.

Конец XVIII—начало XIX в. — это время, когда размежевание либерализма и консерватизма еще только наметилось, но ни одно из этих направлений доктринально окончательно не оформилось. Французская революция, безусловно, способствовала их размежеванию, но даже ее крайности не дискредитировали основные идеи и ценности Просвещения. Карамзин принадлежит к тем мыслителям, которые шли не столько по пути их отрицания, сколько по пути их переосмысления и поиска уравнивающих идей и факторов. Идеи личной свободы и самоутверждения разума уравнивались идеями здравого смысла, в которых отстаивалась необходимость сохранения тех форм человеческого общежития, которые вырабатывались народами в их истории. Попытки перестроить эту жизнь в соответствии с абстрактными теоретическими построениями и приведшие к столь катастрофическим последствиям, встречали сопротивление и стремление увидеть разумность как раз в существующих и исторически сложившихся формах общественной жизни.

Приверженность Карамзина идеям и ценностям Просвещения имеет, условно говоря, генетическую основу, связанную со становлением его личности. С двенадцатилетнего возраста образование и воспитание Карамзина велось в пансионе профессора Московского университета Иоганна Шадена под сильным влиянием идей немецкого Просвещения. Немецкое Просвещение заметно отличалось от французского, оно понимало разум достаточно широко и не только в форме человеческого рассудка, но также в нравственной сфере и в организации общественной жизни. В отличие от французского Просвещения, оно иначе смотрело и на религию, не стремилось увидеть в ней лишь совокупность предрассудков, затемняющих разум. Огромное влияние на Карамзина оказала и концепция И. Канта, связывавшая свободу с нравственным законом. В «Письмах русского путешественника»² он подробно описывает свою встречу с Кантом и не только точно пересказывает суть его нравственного учения, но вспоминает тот душевный подъем, который он тогда пережил. Профессор Шаден был последователем Х.Ф. Геллерта (1715—1769), учение о морали которого Гете считал «фундаментом немецкой нравственной культуры». Именно на идеях моральной философии Геллерта была построена система воспитания и обучения в пансионе Шадена, который прилагал ее к конкретным и понятным реалиям русской действительности, жизненным устремлениям молодых русских дворян. При этом сам Шаден был ярким противником простого переноса немецкой

модели образования и воспитания на русскую почву. Он считал, что такой перенос принесет не пользу, а вред. Система воспитания должна основываться на особенностях жизни народа, его нравственном строе. Да и система образования, по мысли Шадена, должна носить национальные черты. Позже Карамзин также пришел к убеждению о невозможности полного заимствования институтов и полученных знаний из других культур и о самобытном развитии каждого народа.

Именно Шаден привил Карамзину любовь к монархии и показал преимущества монархической формы правления: только монархия может должным образом распространять знания и науки среди населения, т.е. заниматься просвещением народа. Важно также отметить, что Карамзин, как и Шаден, считал, что ребенок должен обучаться и воспитываться в обществе. Он отрицал идею Руссо о необходимости аскетичной системы образования вне общества, упрекал его в том, что он «пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, что искусства. Правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме, как пустые фантомы и чада Химеры: т.е. трактат его остался бы в туманной области небытия, — а Жан-Жаку непременно хотелось бранить ученость и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать свое отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!»³

Образование Карамзина не ограничивалось лишь программой пансиона, он также посещал лекции Шадена на философском и юридическом факультетах Московского университета. Многие из написанного Карамзиным позднее о свободе и о нравственном смысле монархии будет корреспондироваться с тем, что давал своим воспитанникам и студентам Иоганн Шаден. Это глубинное «генетическое» влияние идей Просвещения на мировоззрение Карамзина, на саму его личность необходимо учитывать при анализе его размышлений, в том числе и тех, которые могут показаться современному исследователю достаточно консервативными.

Карамзина часто рассматривают как основоположника идей консерватизма в России, и это имеет под собой определенные основания. Но что это был за консерватизм? Какие цели преследовал и какие ценности отстаивал? Как оценивал свободу и в чем видел ее истоки и смысл? Как решался вопрос о соотношении свободы и общественного порядка, гражданина и государства, национального и универсального в человеке? Конечно же, это был не тот консерватизм, который сформировался в России во второй половине XIX в. и был представлен такими фигурами, как К.П. Победоносцев и М.Н. Катков. Консерватизм Карамзина не доктринальный, он идет скорее от здравого смысла и от доверия к историческому выбору народа, к Провидению, руководящему историей народов.

Одной из наиболее точных, на наш взгляд, оценок Карамзина является оценка, данная ему П.Б. Струве. Он его охарактеризовал как либерального консерватора, определив при этом свое понимание либерализма и консерватизма довольно широко: «Суть либерализма как идейного мотива заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма как идейного мотива состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей как драгоценного наследия и предания»⁴. Надо, правда, сразу оговориться, что Струве понятия «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм» употребляет в этой статье как синонимы, а это значит, что он говорит именно о сочетании идей либерализма и консерватизма. К «либеральному консерватизму» как «мировоззрению», «мироощущению», «идейному мотиву» Струве относит Карамзина, Пушкина, Вяземского и Чичерина. Такая широкая трактовка сути двух течений мысли позволила ему увидеть общее у мыслителей, которых традиционно относили к разным идейным лагерям.

В исследовательской литературе уже давно отмечается, что в отличие от либерализма описать ключевые тезисы консерватизма крайне сложно, почти невозможно⁵. Очень вероятно, что какой-то единой консервативной идеологии просто не существует. Но тогда, вероятно, нет и единой истории консерватизма. Но что же тогда объединяет мыслителей, которых относят к консерваторам? Возможно, прав Карл Мангейм, когда говорит о консерватизме как об особом стиле мышления, который возник как реакция на результаты эпохи Просвещения и в первую очередь на результаты Французской революции. Стратегическая линия этого стиля мышления заключается в том, чтобы не строить глобальных концепций и не давать универсальных рецептов решения общественных проблем, поскольку эти проблемы всегда связаны с конкретной ситуацией, т.е. по природе своей локальны. Поэтому консерваторов объединяет стремление опереться в своих размышлениях и в своих рекомендациях на конкретную историю, на индивидуальные особенности народа, на его традиции и обычаи. Консерватизм не чужд общественным преобразованиям и этим он отличается от реакции. Но в таком случае консерватизм не чужд и либерализму.

Идея свободы, которая лежит в основании многих социальных и исторических построений Карамзина, до сих пор не стала предметом углубленного анализа. Этому способствует и то обстоятельство, что, кроме небольшой работы «Мысли об истинной свободе» (1826), он не писал произведений, специально посвященных этой проблематике. При этом, однако, мы найдем немного работ Карамзина, в которых бы он не касался проблемы свободы, не апеллировал бы к ней, не пытался бы обнаружить ее новые грани, часто довольно парадоксальные. В первую очередь это «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», «Марфа-посадница, или

Покорение Новгорода», «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Мелодор к Филалету», «Филалет к Милодору», «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», «Мнение русского гражданина», «Падение Швейцарии», «Письма русского путешественника», «Историческое похвальное слово Екатерине II» и двенадцатитомная «История государства российского», а также переписка с И.К. Лафатером, П.А. Вяземским и И.И. Дмитриевым.

Одним из парадоксов свободы у Карамзина является ее связь с Провидением. Идея свободы и провиденциализм очень плохо согласуются, но Карамзин настаивает на этой связи. Очень часто он использует идею Провидения для того, чтобы объяснить события, не имеющие нравственного обоснования и даже противоречащие элементарным представлениям о нравственности и свободе. В своей исторической повести «Марфа-посадница, или покорение Новгорода»⁶ (1802) он очень точно и с глубокой симпатией к Новгороду передает весь драматизм ситуации, чувства горожан, их стремление отстоять свою законную свободу. Он точно приводит все правовые и нравственные аргументы в пользу прав Новгорода и его граждан на свободу. «Сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителем их вольности»⁷. Но Провидение, руководящее действиями Ивана III, не считается ни с чем, кроме необходимости подчинить Новгород Москве и объединить Русь. «Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему!»⁸. Карамзин показывает, что, как бы нам не было жалко граждан Новгорода, какие бы симпатии мы не испытывали к ним, Провидение не считается ни с правовыми, ни с нравственными резонами и действует неотвратимо. Пути Провидения могут казаться человеку несправедливыми, жестокими, но Карамзин предлагает полностью довериться Провидению. Оно может действовать в этом мире непосредственно, но чаще — через государственных деятелей и в первую очередь через монарха: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей — и довольно»⁹.

В чем же тогда состоит связь столь взаимоисключающих явлений как свобода и Провидение? Без доверия Провидению, считает Карамзин, нет и подлинной свободы, поскольку доверие Провидению — это доверие самому Богу, источнику всего, что есть у человека, в том числе и его свободы. Без доверия Провидению человеческая свобода не полна. Подлинную «свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению»¹⁰. В традиционной версии консерватизма, в частности у М.Н. Каткова, свобода подчинена порядку и даруется верховной властью, поэтому она «возможна толь-

ко в государственной ограде»¹¹. У Карамзина же концепция свободы обосновывается принципиально иначе: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею»¹².

В основе его концепции свободы лежат идеи человеческого достоинства, достоинства личности, ее самоценности. Эти идеи составляют основу его гуманистического и в целом либерально-просветительского мировоззрения. Человек обладает достоинством от рождения, оно не может быть сведено к простым заслугам. Оно даровано Богом, создавшим человека по своему образу и подобию, и отнять или покуситься на него никто не вправе. Карамзин принимает этот ключевой тезис естественно-правовой доктрины, тесно связанной именно либерально-гуманистической мировоззренческой парадигмой эпохи Просвещения. Человек обладает и гражданским достоинством в том смысле, что он полноправный член общества, добросовестно служит этому обществу и вправе рассчитывать на соответствующее к себе отношение. В основе гражданского достоинства лежит присущая каждому человеку свобода воли и способность поступать в соответствии с установленными законами. Но «законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан»¹³.

Уважение к человеческому достоинству, по мысли Карамзина, совсем не обязательно должно вести к утверждению индивидуалистических оснований общественной жизни. Поэтому попытки перекроить общественную жизнь на основе индивидуалистических представлений о природе человека встречали у него резкое сопротивление. Индивидуализм, положенный в основание общества, лишает и свободу, и само человеческое существование смысла, превращает общество в поле боя обособившихся индивидов, преследующих свои интересы. Это и есть для Карамзина полная несвобода. Именно поэтому преобладание индивидуалистических идей в республиках чаще всего и ведет к их гибели.

Если продолжить сравнение его взглядов на свободу и на человеческую природу с идеями представителей консерватизма, то интересно это сделать, сравнив их со взглядами Жозефа де Местра. Де Местр не только четырнадцать лет провел в Санкт-Петербурге и вращался в тех же кругах, что и Карамзин, но и основные свои идеи, в том числе и касающиеся проблемы свободы, постоянно иллюстрировал примерами из российской политической истории. Через сравнение с взглядами де Местра можно глубже понять Карамзина.

Если Карамзин выводил идею свободы из нравственной природы человека, из нравственного закона, то Жозеф де Местр связывал свободу исключительно с религией: человек ровно настолько свободен, насколько он пронизан религией, а пронизаны ею далеко не все. В этом случае религия должна быть уздой. Нравственностью своей человек

обязан опять же религии, без религии он может быть только рабом. Под религией, правда, он в основном понимал церковь, именно она, а не само по себе учение христианства, меняет людей. Для Карамзина человек, будучи образом и подобием Божиим, от рождения наделенным душой и совестью, уже нравствен, а в силу этого свободен, пусть пока и потенциально. Но свободу каждый дает самому себе, следуя нравственному закону и с «помощию Божиею». Концепция де Местра как раз исключает такую прирожденность, а религию превращает в мощный социальный инструмент поддержания порядка. Интересна реакция Александра I после того, как де Местр изложил ему свои взгляды на религию: «Все это очень хорошо, господин граф, но все-таки в христианстве есть еще что-то такое, что идет дальше этого»¹⁴.

В историческом и социальном плане Жозеф де Местр рассматривал свободу исключительно в качестве привилегии меньшинства, привилегии, дарованной религией, а точнее — или церковью, или высшей светской властью. Свобода для него — это по сути своей право на власть, на участие в ней, а также право не зависеть от других. Любые претензии основной массы народа на свободу должны сдерживаться как церковью, так и государством, и различными социальными институтами. Институт рабства — один из них. Да, христианство пропитано идеей свободы и борется с рабством, но это не мешает сохранению рабства в течение тысячелетий, поскольку рабство является одним из якорей общественного порядка. Он считает, что существуют только «два якоря, удерживающие общество в спокойном состоянии... [это] рабство и христианство»¹⁵. Освобождение же от рабства в России по мысли де Местра должно было быть «бесконечно долгим»¹⁶.

Карамзин развивает идеи, весьма близкие консерватизму, признающие ключевое значение истории народа, его традиций, его духа для жизни государства и на пути решения общественных проблем. Он ставит под сомнение наиболее радикальные идеи Просвещения, такие как универсальное рациональное законодательство, преобразующая сила разума, возможность радикального переустройства общественной жизни на новых основаниях. Подлинные преобразования, по Карамзину, возможны только посредством естественного хода истории народа и совершенствования нравственности людей. Он выступает за развитие законодательства, но в его основе должны быть не придуманные принципы, а принципы, выработанные самой жизнью народа. Крепкое единое государство — залог успеха в поступательном движении любого народа. Что же касается России, то монархия является историческим выбором, отражающим дух народа. Поэтому именно монархия есть для России гарант спокойного существования и свободы, а также пример нравственного служения.

Что такое дух народа по Карамзину, почему и как он связан со свободой, ведь свобода проистекает из нравственности, а дух народа может

ей не соответствовать? Может быть, Карамзин говорит всего лишь об исторических рамках, в которые свобода вписана и которые должна учитывать ради сохранения общественного спокойствия?

Народный дух, считает Карамзин, формируется на протяжении всего исторического пути народа, в нем закрепляются общие склонности и убеждения, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свои поступки. Через синтез свободы и народного духа формируются традиции и обычаи конкретного народа. Народный дух — это творческая сила. Люди, не похожие друг на друга, но составляющие один народ, реализуют себя внутри народного духа. Этот процесс должен происходить в условиях порядка и безопасности. Противопоставление себя народному духу ведет к конфликту, а наличие конфликта, приводящего к беспорядку, — это первый и главный признак несвободы. Французскую революцию, ее радикализм, Карамзин связывал именно с гибелью народного духа под влиянием радикальных идей. «Революция объяснила идеи; она нам показала, что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума, что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»¹⁷.

Концепция свободы Н.М. Карамзина не представляет собой чего-то последовательного, законченного, объединенного единством исходного принципа. К ней нельзя предъявлять требования, которые обычно предъявляются к политической доктрине. Но ведь в это время основные политические течения еще доктринально не оформились. Мировоззрение Карамзина, сформировавшееся на основе идей и ценностей эпохи Просвещения, пропитано идеями гуманизма и социального мира. Именно поэтому он постоянно ищет компромисс между свободой, основанной на личной нравственности и теми реальными формами жизни, которые исторически складываются у народов и которые далеко не всегда соответствуют нравственным требованиям. Карамзина действительно можно рассматривать как основателя одной из разновидностей консерватизма в России — либерального консерватизма, сочетающего в себе либеральные и консервативные ценности. Его концепция свободы тому самый показательный пример. Вопрос о социально-философских, исторических и этических идеях, лежащих в основе этого направления, остается во многом еще довольно спорным. Если же учесть эволюцию взглядов Карамзина, то можно с уверенностью сказать, что он, как и многие российские мыслители, прошел путь от либерала до «либерального консерватора», которым стал в последние пятнадцать лет своей жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев С.М. Учебная книга по русской истории. – М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1860. С. 558.

² Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 17. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С. 7–472.

³ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 17. С. 392.

⁴ Струве П.Б. Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика. 1997. С. 455.

⁵ Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала? // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. – М.: Издание К. Солдатенкова, 1862. С. 145–185; Mannheim K. Conservative Thought // Mannheim K. From Karl Mannheim / H.W. Kunt (ed.); with an introduction by V. Meja and D. Kettler. 2nd ed. – New Brunswick (USA): Transaction Publ., 1993. С. 260–337.

⁶ Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 15. С. 108–147.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Там же.

⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 277.

¹⁰ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 17. С. 46.

¹¹ Катков М.Н. Свобода и власть // Катков М.Н. О самодержавии и конституции. – М.: Печатня А.И. Снегирева, 1905. С. 46.

¹² Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе. С. 46.

¹³ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 17. С. 107.

¹⁴ Соловьев Вл.С. Мэстр, де // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.Е. Ефрон. – СПб., 1897. Т. XX (39). С. 352.

¹⁵ де Местр Ж. Четыре не изданные главы о России. О свободе // де Местр Ж. Сочинения. – СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч. В 18 т. Т. 17. С. 297.

REFERENCES

Chicherin B.N. What is the beginning of enforcement? In: Chicherin B.N. Several contemporary questions. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1862 (in Russian).

de Maistre J. Four unpublished chapters about Russia. About freedom. Joseph de Maistre. Writings. Saint Petersburg, Vladimir Dal., 2007, pp. 27-46. (Russian trans.).

Karamzin N.M. Historical eulogy to Catherine II. In: Karamzin N.M. Complete Works. 18 volumes. Vol. 17. Moscow, TERRA-book club Publ., 2009, pp. 87-142 (in Russian).

Karamzin N.M. Thoughts about the true freedom. In: Karamzin N.M. Complete Works. 18 volumes. Vol. 17. Moscow, TERRA-book club Publ., 2009, pp. 45-46 (in Russian).

Karamzin N.M. Something about the sciences, the arts and education. In: Karamzin N.M. Complete Works. 18 volumes. Vol. 13. Moscow, TERRA-book club Publ., 2009, pp. 391-407 (in Russian).

Karamzin N.M. Pleasant views, hopes and desires of the current time. In: Karamzin N.M. sobranie Complete Works. 18 volumes. Vol. 17. Moscow, TERRA-book club Publ., 2009, pp. 297-303 (in Russian).

Karamzin N.M. Letters of a Russian traveler. In: Karamzin N.M. Complete Works. 18 volumes. Vol. 13. Moscow, TERRA-book club Publ., 2009, pp. 7-472 (in Russian).

Katkov M.N. Freedom and power. In: Katkov M.N. About the autocracy and the constitution. Moscow, A.I. Snegirev Publ., 1905, pp. 41-47 (in Russian).

Mannheim K. Conservative Thought. In: Mannheim K. From Karl Mannheim. K. H. Wolff (ed.). Introduction by V. Meja and D. Kettler. 2nd ed. New Brunswick (USA), Transaction Publ., 1993, pp. 260-337 (Russian trans.)

Solovyev S.M. *Educational book about Russian history*. Moscow, K. Soldatenkov and N. Shchepkin Publ., 1860. 558 p. (in Russian).

Solovyev V.S. Mestr, de. In: Encyclopedic dictionary. F.A. Brokgauz, I.E Efron (ed.). Vol. XX (39). Saint Petersburg, 1897, pp. 349-352 (in Russian).

Struve P.B. Chicherin and his place in the history of Russian education and public. In: Struve P.B. Patriotica: politics, culture, religion, socialism. Moscow, Respublika, 1997. 526 p. (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена анализу либеральных и консервативных оснований концепции свободы Н.М. Карамзина. Следуя Канту, Карамзин считал, что человек как духовное существо в принципе свободен, поскольку может определять свои поступки нравственным законом. Но помимо свободы, связанной с нравственным законом, у Карамзина мы встречаем и другую ее интерпретацию, связанную с духом народа: человек свободен настолько, насколько он может поступать в соответствии с духом народа. Эти два различных подхода к свободе, считает автор, лежат в основании либеральных и консервативных элементов его мировоззрения.

Ключевые слова: свобода, нравственный закон, человеческое достоинство, мировоззрение, дух народа, Просвещение, либерализм, консерватизм, монархия.

Summary

This article analyzes liberal and conservative background in the concept of freedom by N.M. Karamzin. Karamzin followed Kant in the idea that human is free as a spiritual creature: everyone gives himself freedom as much as he can determine his behavior by moral laws. But in addition to the freedom associated with the moral law, we meet in Karamzin and its other interpretation associated with the spirit of the people: the person is as free as he could act in accordance with the spirit of the people. Life in harmony and peace with others – it is also freedom. These two different approaches to freedom underlie in liberal and conservative elements of his world view.

Keywords: Karamzin, freedom, moral law, human dignity, philosophy, world view, national spirit, the Enlightenment, liberalism, conservatism, monarchy.